

Александр Зельгейм

КОРРЕКТОРЫ РЕАЛЬНОСТИ

Александр Зельгейм

КОРРЕКТОРЫ РЕАЛЬНОСТИ

«Автор»

2026

Зельгейм А.

КОРРЕКТОРЫ РЕАЛЬНОСТИ / А. Зельгейм — «Автор», 2026

В интернате «Ясность» детей учат стирать из реальности боль: аварии, ссоры, смерть. Ника — лучший корректор. Она аккуратно зашивает события, не оставляя рубцов, и верит, что спасает чьё-то детство. Но однажды на её ладони проступает детский рисунок: два человечка держатся за руки, а подпись — «Тима». Мальчика с таким именем нет в списках. Вскоре Ника встречает его и слышит: «Ты стёрла моего брата». Тима — не ребёнок из списков, а шов: мальчик, которого стёрли и который не может уйти. Его брат исчез вместе с аварией, а куратор Марта уверена: так милосерднее. Так начинается путь в подвал, где хранится архив стёртых жизней, и к правде о том, с чего началась «Ясность» и кем была сама Ника. Антиутопия о памяти, вине и милосердии, которое слишком легко становится насилием. О том, что шов можно затянуть, но нельзя не заметить. И о выборе: забыть — или жить с правдой, по одному дню.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Александр Зельгейм

КОРРЕКТОРЫ РЕАЛЬНОСТИ

антиутопия

«Шов затягивается. Не стёртый. Принятый.»

1. Шов

Утро в «Ясности» пахло хлоркой и горячим воском.

Ника любила этот запах. Он означал, что полы вымыты, лампы прогреты, а значит, сегодня всё получится. Она стояла босиком на холодном кафеле коридора — так положено перед коррекцией, чтобы «не приносить с собой лишнего», — и чувствовала, как стыд за босые пятки стекает куда-то вниз, в пол, в трубы, в никуда. Кафель был с трещинкой у плинтуса. Трещинка была всегда. Ника знала её наизусть, как знают родинку на чужой руке.

Дверь кабинета была обита серой тканью, и ткань эта ворсилась под пальцами. Ника провела ладонью — ворс лёг, потом медленно поднялся обратно. Всё в этом здании возвращалось на место. Кроме людей.

Марта сидела за столом и чистила яблоко. Нож шёл по коже длинной спиралью, и звук был влажный, тянущийся, как будто резали не фрукт, а что-то живое. Ника смотрела на спираль и думала: если её не оборвать, она дойдёт до самого пола.

— Садись, — сказала Марта, не поднимая глаз. — У нас сегодня легко.

На столе лежала фотография. Ника взяла её двумя пальцами — бумага была шершавая, дешёвая, с белой каймой. На снимке: разбитая машина, дым, поднятый капот. Люди с телефонами, вытянутые лица. И мальчик. Мальчик лежал на асфальте так, будто просто устал и прилёг.

— Он выбежал на дорогу, — сказала Марта. Голос у неё был как тёплое молоко. — Водитель не виноват. Нужно убрать лишнее.

— А мальчик?

— Мальчик будет в порядке. В новой версии.

Нож мягко стукнул о доску. Спираль кожи оборвалась.

Ника села. Стул под ней скрипнул один раз и замолчал, будто ему велели. В кабинете было тихо так, что слышно было, как в углу гудит лампа — тонко, на одной ноте, как комар, которому надоело летать.

— Закрывай глаза, — сказала Марта. — И не торопись.

Ника закрыла.

Сначала всегда приходит **звук**. Не картинка — звук. Визг тормозов, длинный, резиновый, с металлическим привкусом. Потом — крик. Не громкий, а короткий, обрубленный, будто человек не успел вдохнуть. Потом — тишина, в которой кто-то говорит: «Снимите, снимите, не снимайте».

И запах. Горелая резина, сладковатая, прилипчивая. И под ней — что-то ещё, тёплое, железное.

Ника потянулась внутрь, как в воду. Событие было податливым — ещё свежее, ещё мягкое, как воск, который только что подержали в ладони. Она взяла страх водителя и отвела его в сторону, аккуратно, за угол. Крик — в тишину, в мягкое. Запах — в пустоту, где нет ни носа, ни памяти. Она работала быстро и чисто, как учили: не рвать, а **сшивать**. Чтобы не осталось рубца.

Где-то в глубине, на самом дне, что-то дёрнулось. Маленькое. Как рыба подо льдом. Ника не стала смотреть. Она затянула шов.

И открыла глаза.

Кабинет был прежним. Марта улыбалась. Яблоко лежало на доске, разрезанное на ровные дольки, и одна долька уже темнела по краю.

— Молодец, — сказала Марта. — Ты спасла мальчику детство.

Ника встала. Стул скрипнул второй раз — теперь как будто с облегчением. Она вышла в коридор, и коридор был прежним: тёплый воск, хлорка, гул лампы. Дети у стены рисовали. Мелки скрипели по бумаге — тук-тук-тук, сухо, как насекомые в банке.

И тогда Ника увидела стул.

Он стоял у стены, у окна, где всегда стояли стулья для тех, кто ждёт. Но этот был **лишний**. Ника не могла объяснить, откуда знала это. Просто в ряду из шести стульев седьмой был лишним — как лишний зуб, как лишний палец, как слово, сказанное не тем голосом.

Она подошла. Стул был обычный: металлические ножки, фанерное сиденье, потёртое по краю. Тёплое. Как будто на нём только что сидели.

Ника приложила ладонь. Потом посмотрела на свою руку.

На ладони был рисунок. Не её — детский, кривой, восковой, смазанный. Два человечка держатся за руки. У одного — кружок вместо лица и палочки вместо ног. У второго лица не было вовсе — только контур, стёртый большим пальцем.

И подпись, печатными буквами, нажимая так, что бумага продавилась: **ТИМА**.

Ника не знала никакого Тимы.

Ника знала всех.

Она стояла и слышала, как за спиной, в кабинете, Марта аккуратно складывает нож и кладёт его на стол. Звук был сухой и окончательный, как точка.

— Ника, — позвала Марта через дверь. Голос тёплый. — Ты забыла фото.

Ника не обернулась.

Она смотрела на стёртое лицо и чувствовала, как где-то под рёбрами, глубоко-глубоко, подо льдом, снова дёрнулась рыба.

2. Мальчик, который пахнет дождём

Рисунок не смывался.

Ника трла ладонь под краном в умывальной — холодная вода, жидкое мыло, зелёное, пахнущее ёлкой. Воск не сходил. Он въелся в кожу, как синяк, как след от верёвки. Два человечка держались за руки, и стёртое лицо второго становилось только чётче, когда Ника трла сильнее.

Она выключила кран. В трубах что-то ухнуло — глухо, как в колодце. За стеной, в коридоре, дети шли на обед, и их шаги звучали как дождь по жестяному карнизу: дробно, мелко, без пауз.

Ника вышла в коридор.

И сразу почувствовала: **что-то не так с воздухом**.

Он был влажный. Не как после душа — как после грозы. В «Ясности» никогда не пахло грозой: здание было герметичным, окна не открывались, воздух гоняли фильтры, и он всегда отдавал хлоркой и воском. А сейчас — пахло мокрым асфальтом, озоном, той особенной свежестью, которая бывает за секунду до дождя.

Ника пошла на запах.

Он вывел её в столовую. Дети сидели за длинными столами, и ложки стучали о тарелки — тук, тук, тук, — и это было нормально, это было правильно. А в углу, у окна, за отдельным столом, сидел мальчик.

Она его не знала.

Ника знала всех. В «Ясности» было тридцать два ребёнка, и она помнила каждого: их имена, их запахи, их швы. У Оли под левым глазом дёргалась жилка, когда она врала. У Гриши пахло изо рта молоком. У Вики была привычка чесать запястье, когда ей страшно. Ника знала всех.

А этого мальчика — нет.

Он был обычный. Серые глаза, светлые волосы, слишком длинные рукава, как будто он вырос, а одежда — нет. Он ел суп, и ложка у него не стучала. Он опускал её в тарелку медленно, беззвучно, как будто не хотел привлекать внимания. И от него пахло дождём.

Ника села напротив.

— Ты новенький? — спросила она.

Мальчик поднял глаза. Посмотрел на неё так, будто видел насквозь — не лицо, а что-то за лицом. Потом сказал тихо, ровно:

— Ты стёрла моего брата.

В столовой стало тихо. Не потому, что все замолчали — просто звук вдруг стал плоским, как будто его прижали ладонью. Ложки стучали, но глухо, издалека. Гул лампы — тонкий, комариный — стал громче.

— Что? — сказала Ника.

— Сегодня утром. — Мальчик отложил ложку. Аккуратно, без стука. — Авария. Он выбежал на дорогу. Ты убрала его из версии. Теперь он никто. Даже ты его не помнишь.

Ника почувствовала, как под рёбрами, подо льдом, рыба дёрнулась сильнее. Не одна. Две.

— Такого не бывает, — сказала она. — Коррекция не стирает людей. Она стирает **событие**.

— Стирает, — согласился мальчик. — А людей — тоже. Потому что люди — это события. Ты стёрла аварию, а вместе с ней — того, кто в ней был. Он теперь шов. Дырка. Ты его чувствуешь?

Ника посмотрела на свою ладонь.

Рисунок был на месте.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Тима.

Имя упало в неё, как камень в воду. Круги пошли медленно, тяжело. Ника знала это имя. Не помнила — **знала**, всем телом, как знают, что сейчас ударят.

— А брата?

Тима молчал. Долго. Потом сказал:

— Вот этого я не помню. Я помню, что он был. Помню, как он держал меня за руку. Помню, что он пах мокрым асфальтом. А имя — стёрто. Ты стёрла.

Архив. Фрагмент 1

...мальчик держит за руку другого мальчика. Они стоят на остановке. Идёт дождь. Первый мальчик говорит: «Не отпускай, тут скользко». Второй смеётся. У второго нет лица — только контур, стёртый большим пальцем. Голос за кадром, женский, ровный: «Коррекция принята. Свидетели: ноль. Шов затянут. Событие удалено из реестра». На плёнке — царапина. Она проходит прямо по рукам мальчиков, разъединяя их. Плёнка обрывается...

3. Отпечатки

В ту ночь Ника не спала.

Она лежала на койке, укрывшись с головой, и слушала, как здание дышит. Оно дышало всегда, но раньше Ника этого не замечала: где-то в вентиляции гудело, где-то в стенах щёлкало, где-то капало. Ночью «Ясность» была живой. И это было хуже, чем если бы она была мёртвой.

В голове у неё, как в ящике с картотекой, выдвигались и задвигались **отпечатки**.

Первая коррекция — та, утренняя. Запах: горелая резина, сладковатая, липкая. Звук: визг тормозов, короткий, обрубленный. Ощущение на языке: металл, как будто лизнула ложку.

Вторая — месяц назад. Коррекция ссоры в столовой: мальчик бросил в девочку суп, она плакала, потом его не стало в списках. Запах: томат, прокисший, с железом. Звук: звон тарелки о пол, длинный, дрожащий. На языке: соль.

Третья — три месяца назад. Коррекция пожара в подвале. Запах: жжёная проводка, пахнет рыбьей чешуёй. Звук: треск, сухой, как будто ломают сухие ветки. На языке: горькое.

Ника лежала и понимала: **у каждой коррекции свой отпечаток**. Как у людей — свой запах. Она всегда это чувствовала, но не думала об этом. А теперь думала. И понимала, что отпечатки не исчезают. Они копятяся. Они как слои в земле: если копнуть, можно найти всё, что стёрли.

Она села на койке.

В окно било синее, больничное, слишком яркое для ночи. За окном — стена. За стеной — ничего. Ника знала: город заканчивается там, где кончается стена «Ясности». Дальше — туман, белый, плотный, как молоко. Никто не спрашивал, что за туманом. Никто не помнил, что когда-то спрашивал.

На подоконнике лежал мелок. Белый, обломанный. Ника не помнила, как он там оказался.

Она взяла мелок и написала на стене, под окном, печатными буквами:

ТИМА.

Буквы вышли кривые. Мелок скрипел, крошился, падал на пол белой пылью. Ника смотрела на имя и чувствовала, как рыба подо льдом бьётся, бьётся, бьётся — и лёд трещит.

Утром мелок лежал на подоконнике, целый, нетронутый. А на стене не было ничего.

Только чуть-чуть белой пыли в углу, у плинтуса, где трещинка.

4. Профилактика

Утром Нику вызвали в кабинет.

Она шла по коридору и чувствовала, как ладонь **горит**. Не болит — горит. Как будто рисунок на коже накалился изнутри. Ника сжала руку в кулак и спрятала её в рукав. Рукав был длинный, с потёртой резинкой. Резинка давила на запястье, и это было приятно: хоть что-то давило, кроме тишины.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Из щели пахло яблоком — свежим, только что разрезанным. И ещё чем-то: тёплым, восковым, как будто внутри горела свеча.

Ника вошла.

Марта сидела за столом и улыбалась. Перед ней стояли две чашки чая. Пар поднимался ровно, двумя струйками, и в воздухе пахло мятой и чем-то ещё — сухим, аптечным, как валидол.

— Садись, — сказала Марта. — Чай остывает.

Ника села. Стул скрипнул — один раз, коротко, как будто предупредил.

Марта пододвинула ей чашку. Фарфор был тонкий, тёплый, с золотой каёмкой. Ника обхватила чашку ладонями — и почувствовала, как рисунок под пальцами **отозвался**. Не больно. Как будто воск подтаял.

— Покажи руку, — сказала Марта.

Голос был мягкий. Как молоко. Как одеяло. Как дверь, которую закрывают изнутри.

Ника не двинулась.

— Ника. — Марта наклонила голову. — Я не собираюсь тебя ругать. Я хочу помочь.

— Я не боюсь, — сказала Ника.

— Я знаю. — Марта улыбнулась. — Поэтому ты и лучшая.

Она протянула руку через стол. Ладонь у неё была сухая, тёплая, с коротко остриженными ногтями. Ника смотрела на эту ладонь и думала: если я не дам, она не возьмёт. Она никогда не берёт силой. Она ждёт, пока ты сам дашь.

Ника разжала кулак.

Рисунок был на месте. Два человечка. Стёртое лицо. Буквы.

Марта посмотрела. Долго. Потом взяла чашку, отпила, поставила обратно — беззвучно, как будто чашка была из воздуха.

— Это шов, — сказала она. — Бывает. Когда коррекция сложная, остаётся след. Он затянется сам. Через неделю ты его не вспомнишь.

— Я не хочу забывать, — сказала Ника.

Марта вздохнула. Тихо, по-настоящему. Как будто ей было больно.

— Ника, послушай меня. — Она подалась вперёд. — Ты думаешь, я не знаю, каково это? Когда ты стираешь что-то, а оно остаётся у тебя на коже? Я тоже была корректором. Я тоже видела швы. И знаешь, что я поняла?

Ника молчала.

— Что швы болят, пока ты их трогаешь. — Марта мягко улыбнулась. — А потом перестают. Как заноза: если не ковырять, кожа нарастает сверху. И всё. И ты живёшь дальше. Ты хочешь жить дальше, Ника?

— Хочу.

— Тогда давай сделаем профилактику. — Марта откинулась на стуле. — Это не коррекция. Это просто... чистка. Мы уберём шов, пока он не пророс. Ты забудешь рисунок. Забудешь утро. Забудешь, что тебе было больно. И всё будет как раньше.

Ника смотрела на неё и вдруг поняла: **Марта не врёт**. Она правда верит в то, что говорит. Она правда хочет, чтобы Нике было хорошо. И это было страшнее любой лжи.

— А мальчик? — спросила Ника. — Тот, с дороги. Он будет как раньше?

Марта помолчала. Потом сказала:

— Мальчик уже как раньше. Он в новой версии. Он жив. Он просто... не помнит, что было. И это милосердно. Ты понимаешь? Мы не убиваем. Мы **облегчаем**.

— А Тима?

Лицо Марты не изменилось. Ни на миллиметр. Но чашка в её руке чуть дрогнула — и чай качнулся, оставив на стенке тонкий бурый след.

— Тима — ошибка, — сказала она. — Он не поддаётся коррекции. Это бывает. Редко. Мы работаем над этим.

— Он говорит, что я стёрла его брата.

— Он говорит много чего. — Марта поставила чашку. Стук был мягкий, но окончательный. — Ника, Тима болен. Он видит швы там, где их нет. Он не может отличить правду от... — она поискала слово, — от **осколков**. Это опасно. Для него. И для тебя.

Ника смотрела на свою ладонь. Рисунок был тёплый. Живой.

— Я не хочу профилактику, — сказала она.

Марта не рассердилась. Она посмотрела на Нику так, как смотрят на ребёнка, который отказывается пить горькое лекарство. С любовью. С терпением. С жалостью.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда давай договоримся. Ты подумаешь до вечера. А вечером придёшь и скажешь мне. Сама. — Она улыбнулась. — Я не буду заставлять. Я никогда не заставляю.

Она встала, обошла стол и положила ладонь Нике на плечо. Тяжёлую. Тёплую. Как одеяло, которое натягивают на голову.

— И ещё, — сказала она тихо, у самого уха. — Не ходи в подвал. Там архив. Там пыльно. И там можно найти то, что тебе не нужно.

Ника вышла из кабинета.

В коридоре пахло хлоркой и воском. Всё как всегда. Но у стены, у окна, стоял **лишний стул** — и на нём сидел Тима.

Он не смотрел на неё. Он смотрел на дверь кабинета, и в глазах у него было что-то, чего Ника не видела у детей «Ясности» никогда.

Страх. Настоящий. Не тот, который стирают, а тот, который **помнят**.

— Она тебе сказала не ходить в подвал, — прошептал он. — Значит, нам туда надо.

Архив. Фрагмент 2

...женщина за столом. Лицо молодое, но глаза старые. Она держит фотографию: мальчик, лет семи, смеётся. Женщина говорит, ровно, без интонации: «Я согласна. Соприйте его. Я не хочу помнить». Голос за кадром: «Вы понимаете, что это необратимо?» Женщина: «Понимаю». Пауза. Она поднимает глаза. В них — ничего. Пусто. Как в стёртой плёнке. «Он был болен. Он видел швы. Я не могу больше». Плёнка трещит. На секунду мелькает лицо мальчика — серые глаза, светлые волосы. Он говорит беззвучно, одними губами: «Мама». Плёнка обрывается...

5. Нулевой архив

Лестница в подвал была узкая, с холодными перилами, и каждая ступенька скрипела по-своему. Первая — высоко, как птица. Вторая — глухо, как камень в колодец. Третья — с шипением, как будто под ней что-то жило и проснулось.

Ника шла босиком. Так было тише. Кафель на лестнице был старый, в мелких трещинах, и трещины эти были холодные, как вены. Тима шёл впереди, и от него пахло дождём — сильнее, чем днём. Чем ниже они спускались, тем гуще становился запах: мокрый асфальт, озон, что-то ещё — слабое, землистое, как грибы после дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.